

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ОРГАН ТОМСКОГО ГУБКОМА РП и ГУБИСПОЛКОМА.

Вторник,

25

1923 г. ДЕКАБРЯ 1923 г.

Редакция и конторг Томск, Тимирязевский в-д, (Садомов) № 2.

Телефоны: Редакция — 3-2. Секретарь редакции — 470. Конторы и экспедиция — 325. Типография — 335.

Рождество.

По преданиям старины, миллионы людей во всем мире празднуют 25 декабря, день рождения бога-человека Иисуса Христа. Легенда о рождении Христа, о его жизни и мученической смерти на кресте говорит о том, что создатели этой легенды стремились представить Христа и в виде большого искателя правды и справедливости. Героиня мысленного образованного, прогрессивного французского писателя Октава Мирбо — Молден («Дурные пастыри»), указывая на надгробный памятник, говорит: «Вот крест того, который первая пострадала за правду и свободу». Эта легенда о мученической смерти Христа за правду и освобождение человечества сатира, глубокий след во всей жизни многих поколений.

Христианство в борьбе с язычеством было в свое время, безусловно, прогрессивным явлением. В истории христианства есть много моментов борьбы за правду, за творческую мысль.

Христианское движение своей познаний, своим стремлением к свету в далеком прошлом привлекало к себе внимание миллионов людей. Господствующая классы, всегда душнила всякое проявление свободной мысли, вначале же стали расправлялись с христианами, послужившими им на пользу. Многие из них на казни, на кресты, и это окружило их ореолом славы и мученичества, т. е. фактически усилило влияние христианского учения. Но не будучи в силах приостановить это движение, правящие классы решили пойти за ним, вернее, использовать его в своих целях. И это им блестяще удалось.

Очень быстро христианство со своей господствующей церковью превратилось в руках господствующего класса в орудие порабощения и угнетения миллионов трудящихся масс. Служители христианской церкви были фактически превращены в прислужников органов власти, органов насилия. Очень много этому способствовало смиренное учение христианства о непротивлении злу, наклонности к рабству и подчинению.

Развитие капитализма, быстро и резко разделившее человечество на два враждебных лагеря, на угнетателей и угнетенных, не могло не про-

бить брешь в смиренном учении легендарного Христа, оплодотворенном продажными служителями церкви. На смену христианству была выдвинута новая «религия», новая «вера», новое учение — социализм, дорога к которому прокладывалась ожесточенной и кровавой классовой борьбой. И христианская церковь, якобы ратовавшая за правду и свободу, не успевшая достаточно приспособиться к интересам капитализма, стала ожесточеннейшим врагом социализма, отстаивающего от эксплуатации и насилия широкие народные массы.

Научно обоснованный великое учение социализма, гениальнейший мыслитель прошлого столетия Карл Маркс затмил собой легендарного Христа. Маркс — социализм — коммунизм — это действительность, это — символ прогресса. Христос — христианство — это легенда, символ регресса, движения назад.

Были моменты, когда господствующие классы пытались проделать с социализмом такую же злоую шутку, как с христианством, т. е. превратить его в свое орудие. Это им почти удалось в период империалистической войны, когда вожди Второго Интернационала позорно спустили свое красное знамя к ногам мировой буржуазии, помогая ей бросить на бойню миллионы рабочих и крестьян.

Но красное знамя, брошенное предателями, было быстро поднято Третьим Коммунистическим Интернационалом. И ныне красное знамя коммунизма, затмившее собой и христианство, и предательский социализм, рдеет над всем миром.

Рождество — это праздник старины, отголоски, возврата к прошлому. На смену этим праздникам трудящиеся массы выдвинули свои праздники, праздники великих битв и великих побед. На смену 25-му декабря выдвинуто историческим развитием человечества 25 октября (7 ноября). Это более яркий штрих в жизни всех народов, чем легенда о рождении Христа. От этой даты мы, вероятно, в ближайшем будущем и начнем свое летоисчисление. Старое должно уступить место новому, ибо новое идет к творчеству, счастью и свободе.

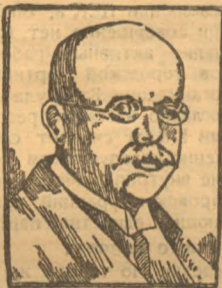
Положение в Германии.

Социал-предатели против соглашения с коммунистами.

БЕРЛИН. Саксонский областной комитет социал-демократической партии в своем воззвании указывает на невозможность соглашения с коммунистами, требующими вооружения рабочих организаций и демонстрации протеста против военной диктатуры. Коммунистическая партия высказалась за роспуск ландтага и за новые выборы, ибо создавшаяся обстановка не выгодна.

Конференция дюссельдорфских фабзавкомов протестует против запрещения компартии.

БЕРЛИН. Конференция дюссельдорфских фабзавкомов приняла резолюцию протеста против запрещения коммунистической партии и ареста с'езда безработных в Дюссельдорфе и организовала массовые митинги протеста против запрещения коммунистической партии.

Рейхсканцлер Мак. Глава германского правительства.

Металлисты против удлинения рабоч. дня.

БЕРЛИН. В Дюссельдорфе и Бохуме рабочие и металлисты большинством 12 тысяч против пятидесяти голосов высказались против удлинения рабочего дня. Рабочие рейнской машиностроительной фабрики согласились на удлинение.

Итоги выборов на с'езд служащих.

БЕРЛИН. На выборах с'езда центрального союза служащих частных предприятий социал-демократы получили 158 мандатов, коммунисты 177 мандатов, социал-демократическая оппозиция 27 мандатов. Коммунисты рас полагают 45-ю процентами голосов против 15-ти на прошлом с'езде.

Удлинение рабочей недели.

БЕРЛИН. Профсоюз горно-рабочих Рурской области одобрил введение пятидесяти-восьмичасовой рабочей недели в рурской угольной промышленности. В некоторых берлинских предприятиях работа производится при восьмидесятичасовой рабочей неделе.

танских империалистов и определенную провокацию новой войны.

Еще скандальнее положение, в котором очутились американские провокаторы. Юз хотел разоблачить нас, а разоблачил себя, им обвинили его в распространении заведомо ложных сведений. Тоже сделала американская рабочая партия, публики не бросив американскому правительству обвинение в подделке документов. Даже большинство буржуазных газет не верит подлинности опубликованной Юзом инструкции. Причиной Юзом Огилвию азова

Коммунисты одерживают победу.

БЕРЛИН. На выборах в фабзавкомы, несмотря на усиленную пропаганду социал-демократов, списки «за прещенных» в ряде предприятий получили подавляющее большинство.

Не могут между собой договориться.

БЕРЛИН. В Веймаре конференция всех буржуазных партий, а также объединенных отечественных союзов при обсуждении вопроса о создании общего буржуазного блока на предстоящих выборах в ландтаг окончательных решений не приняла, ввиду колебания демократов.

Победа Веймарской конференции.

БЕРЛИН. Саксонские горнорабочие прекратили уплату членских взносов в профсоюз, в чем «Форвертс» видит победу Веймарской конференции.

Рабочие одобряют решения Веймарской конференции.

БЕРЛИН. В Вюртемберге, Берлине, Инстербурге, Штуттинге, Киле, Мюнстере и Кельне собрания рабочих одобрили решения Веймарской конференции левых профсоюзов.

Взрыв в доме Носке.

БЕРЛИН. В Ганновере в доме обер-президента Носке произошел взрыв; выбиты окна и двери, человеческих жертв нет.

Расстрел рабочих-повстанцев.

БЕРЛИН. Чрезвычайный суд в Гамбурге приговорил рабочих, ранивших во время восстания полицейского чиновника, к смертной казни.

выдвинуты с начала до конца. Подлог может быть установлен ссылкой на статьи «Известий». Юз может отвергнуть третейский суд, но ему не избежать сенаторского расследования. Также между Юзом и советским правительством преградилось во внутреннюю борьбу двух групп в самом американском обществе. Говорят, Юз обещает новое разоблачение. За ранее предвидя, что оно также ложно, как прежде, но советское правительство никак не боится против американского правительства не ведет.

ЗА РУБЕЖОМ.

Новая Турция.

Вместе с новой политической жизнью в Турции происходит коренная ломка и всего старого уклада жизни. Турция быстро европеизируется. Турецкие женщины покидают свои гаремы, они имеют чару, начинают участвовать в общественной жизни. Попадают спортивные клубы, общества и все остальные признаки буржуазного общества. Наконец, новое и самое невиданное в старой Турции — пробуждается рабочий класс. Который рабочая коммунистическая партия, устраивая свои рабочие собрания, и уже на днях рабочий класс Турции получил свое первое боевое крещение, как класс, начавший свою классовую борьбу организованно — с рабочими в забастовках. Забастовали железнодорожники, движение на железных доро-

Кемаль-паша.

гах, прилегающих к Константинополю, было приостановлено. Молодая турецкая буржуазия мобилировала войска и полицию, и на улицах пролилась рабочая кровь.

Генерал-газетчик.

Белогвардейская эмиграция разлагается. Буржуазные правительствы развалились в ней. Приток субсидий и подачек при остановился. Белые генералы, оторванные от извержной их родины, вынуждены искать себе средств на существование.

На рисунке изображен генерал-белогвардеец, продающий на улицах Берлина белогвардейскую газету «Рул».

Многие из старых генералов, у которых еще осталась искра совести, порвали с белогвардейской эмиграцией и «сменяли выхи». Этот остался ворен «Рул».

По напарно — это погубивший человек без руля и ветрил.

Румынские студенты — фашисты.

ВЕНА. В Клаузенберге фашистские студенты разогнали с'езд румынской партии.

Сеют рознь между рабочими и крестьянами.

ВЕНА. Вождям болгарской крестьянской партии удалось провести на конференции резолюцию, отклоняющую сотрудничество с коммунистами и предлагающую вести борьбу против Цанкова легальными средствами.

В польском сейме.

ВАРШАВА. Польский сейм большинством 193 голосов против 76 голосов вынес вотум доверия новому правительству. Против голосовали национальные меньшинства; пепез, а также «вызволеницы» воздержались от голосования. Сейм переизбрал председателем сейма витосовца — Ратая. Премьер Грабский внес в сейм законопроект о расширении правительственных полномочий по мероприятиям финансового характера.

Римбер — продовольственный диктатор.

ПАРИЖ. Французское правительство назначило главного интенданта Римбера продовольственным диктатором с предоставлением ему права принимать всяческие меры против до-годовизны.

Уличенные провокаторы.

(Из передовой «Известий», переданной по радио).

Несмотря на то, что, течение в пользу признания советской республики во всех концах мира растет и ширится. Чтобы удержать свои позиции, наши непримиримые противники припугивали были приобщить к самым рискованным приемам — тактика и клеветы. Но теперь настроение уже не то. Основные провокаторы и фальсификаторы все чаще ловятся. На деле разоблачение происков англичанской клики милитаристов в Афганистане произошло в Англии огромное впечатление. Теперь Керзону уже не удастся так легко, как он думал, начать с Азии войну и не ставить будущее правительств Англии перед совершившимся фактом. В сосредоточении военных сил на границах Афганистана, а также в предоставлении ультиматума афганскому правительству вынужден-

признаться даже английские консервативные газеты. Правда, они говорят, что войны не будет, а что дело ограничится, в случае отказа афганцев, разрывом дипломатических сношений с одноименным закрытием Хейберского прохода. Может быть, теперь, когда поймали их в поличном, Керзону не удастся спровоцировать войну. Недавно члены английской комиссии в Афганистане отозлали всех своих женщин, другие иностранные миссии возбудили перед нашим правительством вопрос о возможности проезда в Европу через Россию, ибо они не сомневаются в намерениях Керзона и предвидят возможность бомбардировки афганских городов английскими авионами. Керзон и его сторонники кричат об опасности русской пропаганды в Индии, но не видят пропаганды бри-

За рубежом.

К англо-афганскому конфликту.

ПАРИЖ. Афганский посланник в Париже Махмуд-Тарзи в беседе с трудником „Матен“ по поводу англо-афганского конфликта указал, что Афганистан имеет больше основания заявлять претензии на действия английских властей, чем Англия на действия афганских. Недавно английские аэропланы бросали бомбы на афганскую территорию. В Бомбе британские власти захватили 8 миллио-

нов рублей, закупленные афганским правительством, нарушив этим англо-афганское соглашение. Все это преследует одну цель — воздать видимость правосудия, чтобы открыто напасть на Афганистан. В случае нападения афганцы будут упорно защищаться. В заключение Махмуд-Тарзи заявил, что считает не возможным, чтобы Россия допустила захват Афганистана Англией.

Тов. Раскольников об английском ультиматуме Афганистану.

МОСКВА. 22. Прибыл в Москву представитель СССР в Кабуле т. Раскольников по поводу английского ультиматума Афганистану указал, что майский ультиматум Керзона Советской России и теперешний ультиматум афганскому правительству тесно связаны с укреплением российско-афганской дружбы. Инициаторы английских агентов в Афганистане против СССР потерпели неудачу и они вынуждены вступить на открытый путь, в связи

с чем решительно отказались от непомерных притязаний империалистической Англии в отношении нашей политики на Востоке. Теперь наши противники стараются действовать с другого конца и пытаются произвести нажим на Афганистан. Нужно думать, что афганское правительство с негодованием отвергнет это неволеное нападение и сумеет отстаивать свои интересы, свою независимость и свое право дружбы с СССР.

К урегулированию франко-английских отношений.

ПАРИЖ. В опубликованной в газете „Тан“ статье Эрбет указывает, что сообщение об англо-афганском конфликте живо заинтересовало французское правительство, обратившееся за справками в Лондон и получившее сведения, что Англия не намерена предпринимать никаких враждебных действий против Афганистана. Со времени войны за независимость Турции, — пишет Эрбет, — наблюдается совпадение интересов Франции и Советской России. Эта общность интересов выдвигает вопрос о возобновлении нормальных дипломатических сношений между обоими государствами, что было бы чрезвычайно полезным, хотя возмож-

но лишь после разрешения ряда предвзятых вопросов, касающихся дарских долгов. По мнению Эрбета, можно найти такую форму соглашения, которая, не нарушая принципов советского правительства, даст возможность возместить убытки держателям займов. В заключение Эрбет указывает, что если Советская Россия возьмет на себя инициативу открыто выразить свою точку зрения по вопросу о франко-русских отношениях, то французское правительство не сможет отказаться от обсуждения этого вопроса. Франция не намерена посягать на политическую и экономическую независимость России.

СССР и другие страны.

Разоблачение действий правительства.

НЬЮ-ИОРК. Цена американской рабочей партии опровергает подлинность документов, опубликованных государственным департаментом, и публично обвиняет государственный департамент и департамент юстиции в подделке документов.

Правительство убеждено в подлинности документов, но боится передать этот вопрос в третейский суд.

НЬЮ-ИОРК. По официальной информации из Вашингтона, Юз отклонил предложение Чичерина передать на рассмотрение третейского суда вопрос о подлинности опубликованных Юзом документов. Те же источники сообщают, что, несмотря на заявление Чичерина о подложности документов, правительство Соединенных Штатов „убеждено в их подлинности“.

Консерваторы получили повод к новой кампании против признания СССР.

ЛОНДОН. Московская партийная дискуссия дала консервативной печати повод к новой кампании против признания советского

правительства. Либералы не печатают, наоборот, усилили агитацию за признание СССР.

По союзу республик.

Дискуссия о внутрипартийном строительстве.

МОСКВА. 22. Дискуссия о внутрипартийном строительстве захватила широкие партийные массы провинции. Принятые ячейками рабочих районов в Туле резолюции одобряют обновление ЦЕК'а, высказываются за единство партии, подчеркивают недопустимость образования внутрипартийной фракции и группировок. Общероссийское собрание коммунистов Ставрополя горячо приветствует постановление ЦЕК'а и

Нужно дать деревне газету.

МОСКВА. 22. Закончившаяся всесоюзное совещание редакторов крестьянских газет признало необходимым издание дешевой всероссийской еженедельной крестьянской газеты, доступной по цене крестьянину. Газета должна давать материалы за

Курс предохранительной техники.

МОСКВА. 22. Однодневная научная конференция по борьбе с несчастными случаями производства признала необходимым организовать институт предо-

хранительной техники и ввести курс техники безопасности в программы всех технических учебных заведений.

Маленький фельетон.

«Надежда» германской буржуазии.

Чем он желает стать, отвечает — «Письма из Германии», «Кр. Зн.», № 236.

— Фриц, вставай, тебе в школу пора. Приготовил уроки вчера-ли?

— Ах, отстань ты со школой — моя голова Не дурачку думой полна.

Биржа... рынок... как дороги стали

Нитки, гвозди, корсет и мали!

Да-с! предлагали вчера мне бензину и шерсть

Триллион... полтора... Карлу можно спустить!

Все же на „сто“... „пятьсот“! Может, кинет все „шесть“!

Ну, пока! Забегу я домой часов в шесть.

— Ксати, никто не хочешь-ль купить,

Но за копейку тебе я могу уступить,

Но с условием, мама: наличный расчет —

Деньги надо пускать в оборот.

Вышел Фриц устремился на биржу.

Карл навстречу: — Тебя ли я вижу?

Вот что, Фриц, там — один человек

Предлагает триллион.

Ну, всего за один копейку... Что ты скажешь?

— Правда, Карл? В семь квартир его ты покажешь?

— Фриц, сегодня в кружке грандиозность у нас:

„Вечер страсти“. Амали, Гретхен и Роза

В неяркий свет пускаются пламя.

Мы устроим, огонь чтоб потас —

Ты не купишь-ль духи „Тубероза“?

Спекулянт и развратник лживый,

Чуть подросший буржуа симочень,

И „надежда“ подает целый ворох большой

Сей мамаша достойный кусочек.

Вот так договор!

Томский губернский совет рабочих-делов, возмущенный губернаторским, о признании недействительным договора между губкохозом и гр. Уришиным о сдаче в аренду дома под госпиталь. Договор, как заключенный в ущерб интересам государства, признан недействительным. (Из заседания суда).

Сию же я, значит, в суд и отнесу. Перво-на-перво тезис номер так это ясно заговорил:

— Нука, — говорит, — не могу сшить 50 кон. холст, за все сшить платит. Нет никакого резона. Рубашки, бывало, в помеху жила господина и платили больше, а теперь жидет какой-нибудь товарищ и не жидет больше 1 руб. зол. в сутки за номер платит. Даже свои досадки прожил. А богатая, так и не обещала.

Жиде же стало хозяйкой. Платил такой поварачи-й, копейный, говорит так жалобно, — право казенная сирота, да и только. Но, думаю, суд покажет: не бог знает, какое преступление сделал, если договор с комхозом заключил!

— Потом, значит, зайвннй комхозский заговорил. Какой-то, говорит, профессор. Даже

фамилию помнил, как то на ок начинался, да позыбал.

Он и начал резать. Все статьи законов указал.

— Нука, — говорит, — „пятьдесят нарушил договор“. Вон „Хлебопродукт“ по 2 руб. за сажень комхозу платит, да и то догвор не имеет права расторгнуть. А тут что — дешево! Да и не стоит, — говорит, — обижать человека. В-дь, какой конфуз будет для комхоза, если вы, то карикатуры, признаете догвор недействительным! Тогда никакого доверия к комхозу не будет.

Одним словом, и хозяйки и гр. профессор комхозовский стал на одном, что цена 50 кон. зол. за кв. сажень в месяц и хозяйка не предана, а комхозу платит.

А затем прокурор так серьезно и говорит: — Ят такого зако-на, чтобы в хозяйке копейный брат. Советская власть во всех случаях (спекулянт, бур-ужаа) должна брать рублем. Копейки не должны брать лишь с рабочих.

Я так и обмер. Ну, думаю, дело их пропало.

В конце концов, суд так и решил, как сказал прокурор. Только вот жиде, что хозяйка и профессор столько времени в суде потели и ни с чем домой ушли. Аллант.

Письма из Германии.

(От нашего корреспондента).

ШКОЛЫ БЕЗ УЧИТЕЛЕЙ. Под таким заголовком помещена недавно в газете „Штинеца“ статья по злободневному вопросу. Содержание ее таково. Имперское правительство в целях „содорожения“ государственных финансов распорядилось во всех общегосударственных, местных, областных и общинных учреждениях сократить штаты на 25%. Это одно из средств сокращения обыкновенных государственных расходов.

Орган „Штинеца“, сохлываясь на недавно сделанные в печати заявления, указывает, что расходы на все гражданское чиновничество „империи“, включая суда и расходы по отделу налогов, составляют всего 13,5%. Такого же должно быть соотношение и в местных бюджетах. Расходы на персонал всюду составляли сравнительно небольшую величину. Надо при этом принять во внимание, что указанные суммы составляли 13,5% части расходов, остающейся после вычета сумм по Версальскому договору и т. д.

«Во время переговоров о расширении полномочий правительств» — пишет „Штинец“ Альгеймане Дейтунг — много говорили о налогах, о сокращении расходов и т. д. И совершенно забыли упомянуть, что нельзя чисто механически во

всех учреждениях сократить 25% служащих. Поскольку речь идет о школе, сокращение не есть окончательная, так как оно вредит школе, делает невозможным ее существование. Ни о какой экономии в школе речи быть не может.

В целях экономии анимный сезон в школе начался позавчера, сокращение уроков уменьшено, несколько классов занимаются в одной комнате и пр. Чтобы сэкономить топливо, дошли до полного пренебрежения к элементарным требованиям гигиены.

Расходы на библиотеки, коллекции, кабинеты так понижены, что наша школа уже не может считаться стоящей на уровне современной европейской школы. Книжки, учебные пособия, мел, чернила, бумага — все это покупается за счет родителей. „Единственным средством действительной экономии“, — говорит орган „Штинеца“, — должно быть сокращение количества школ.

„Штинец“ Альгеймане Дейтунг, конечно, спешит оговориться, что не поддерживает подобных мер. Но эта оговорка по существу неубедительна. И вот почему. Правительство жидло экономить на учителях, правительство получило одобрение со стороны партии „Штинеца“. Неужели газета

„Штинеца“ и партия господина Штинеца могут защищать различные положения по одному и тому же вопросу? — Конечно, нет. Разница лишь в том, что партия санкционировала правительственную политику за кулисами, в газете пришлось бы сделать то же публично.

По всем видимостям, на такие вещи трудно сейчас отважиться даже органу „Штинеца“.

РАЗБОР В ЛАГЕРЕ НЕМЕЦКИХ ФАШИСТОВ.

Противоречия в германском реакционном лагере, сосредоточившемся в Баварии, всегда были очень сильны. До последнего гитлеровской авантюры они отсутствовали, однако, на задний план. После неудачи фашистского выступления они вновь проявились со значительной силой.

Противоречия эти идут по трем линиям.

1) Политические разногласия вызывались невозможностью согласовать separatistские стремления „баварской родной партии“ (сине-белые) с в их целях целями „черно-бело-красных“ (цвет до революционной, готендолерновской Германии).

2) Династические распри — сине-белые сторонники баварского дома Виттельсбахов, а черно-бело-красные — Гогенцоллерны.

3) Религиозная вражда между католической Баварией и протестантским Севером. Наиболее непримиримые из черно-бело-красных усматривают величайшую опасность в

напистской политике католической реакции. Этой политике они противопоставляют культ германизма, возвращающийся к древне-германским языческим обычаям.

Религиозная вражда разделяет сейчас в сильнейшей степени оба лагеря, в то время как политические и династические разногласия временно отодвинуты на второй план. „Имена“ Карла в решающий момент об'являются вмешательством католического кардинала Фаульгера, и понятно, что гитлеровцы направляют сейчас все свое озлобление против ставленников папы римского.

Карл до сих пор не смеет появляться открыто на улицах, а кардинал Фаульгер подвигается на улице ругательствам и издевательствам со стороны фашистской толпы и должен был высунуть когтистый концерт, устроенный пред его дворцом гитлеровцами. Баварские паписты не остались в долгу и повели бенную травлю против черно-бело-красных. Католические газеты остальной Германии оказывают, конечно, деятельное содействие этой кампании.

Гитлеровцы выступают не только против католицизма. Они стремятся реформировать христианство вообще. Культ Христа, который как иудей являет ся неприемлемым для гитлеровцев, последние хотят заменить культом языческого германского бога Водана. Одновременно они стремятся воскресить древне-негерманские языческие обря-

ды. Так, рождество они заменяют т. н. „сильским“ праздником.

Реакция, терпящая почву под ногами, мечется в диких выходах. Но едва-ли языческий Водан сможет ей оказать большую помощь, чем христианский Иисус.

БОРЬБА ЗА УСТОЙЧИВУЮ ЗАРПЛАТУ.

В Германии повсюду внедряется исчисление всех ценностей в золотой марке. Понятно, что рабочие требуют также заработной платы в золотом исчислении. Господа капиталисты стараются заработать и на этом. Они исходят в своих исчислениях заработной платы из минимума равенства довоенной марки и теперешней условной золотой марки.

В то время как у нас установлена разница между товарным рублем, который равен до военному, и золотым рублем, немецкие капиталисты этой разницы признавать не хотят. Кроме того, предприниматели заявляют, что они вынуждены платить на 30—40% ниже заработной платы, что в переводе на товарную марку означает заработок на 50—60% ниже довоенного. Профсоюз не соглашается заключать договора на таких условиях, так как рабочие их принимать не желают. Предстоит целый ряд конфликтов, которые при теперешнем положении вещей в Германии неизбежно закончатся победой трудящихся.

Немецкий рабочий сумеет улучшить свое положение только

после победоносной революции.

КАК БУРЖУАЗИЯ ОБЕСПЕЧИВАЕТ БЕЗРАБОТНЫХ.

Социал-демократический „Форвертс“ описывает порядок выплаты при выдаче госпитальной безработным берлинским рабочим. В течение восьми дней безработные ежедневно направляются к кассам за получением пособия и после многократного стояния в очереди слышатся, что они должны возвратиться домой с пустыми руками, или в лучшем случае, с малой частью причитающейся и без того ничтожной суммы. Средства, выдаваемые кассами даже в ничтожной мере не покрывают предъявляемых требований. Безработные вполне справедливо возмущаются, так как, терпя сильнейший голод, случается, что голодные не выдерживают многочисленного стояния и падают в обморок.

Чинovníки, получающие деньги в городском самоуправлении, не могут, однако, добиться толку. Городская касса сбивает организацию помощи безработным, последняя — городскую кассу, а пока что безработные предоставлены голодной смерти.

Все это происходит в столице Германии, страны образованной организации. Буржуазия, умеющая так беззастенчиво организовывать все дело, касавшееся увеличения прибыли, надел о падении на ударит, чтобы навести порядок там, где в этом заинтересованы одни лишь трудящиеся.

Среди допризывников. | Слушатели выражают глубокую
благодарность, за оказанное ими

Знания в городе Мариничинске среда допозднихников 1902 г. началась 16 ноября. Помимо чисто военного, обучения проходили полторагодового, курс второй расцетан га тринадцатидесяти час. В прогавимизмат вопро

час. В программу входят вопро-
сы: ознакомление с обязанно-
стями и привилегиями, строитель-

Будут свои пособия.

ни были разбиты на две группы. В первую группу отнесе-

ны более развитые, а ко вто-
рой—менее развитые товари-
щи. Первая группа освоила про-
граммы проработала и изучу «Ка-
кое тело русские женщины»

Надо отметить, как факт большой важности, что за последние годы в нашей литературе появились, по крайней мере, два произведения, представляющие собой все же ценные материалы, дающиеся неохотно и при

ноне важности, то чтобы товарищешел на первой группы дела на по программе доклады, которые достаются удовлетворительной оценки. Занятия в большинстве случаев приходят в форме вопросов и ответов. Интерес к получению познаний есть. Это надо учесть и принять работе более серьезный характер.

Сейчас идет подготовка к постановке системы допризывников спектакля.

Работа в Богосте ведется так же и с радком.

На собраниях в Германии обращено серьезное внимание, на них допризывники реагируют так как должны, т.е. с радостью.

Организованный кружок аттестированных так аттестированных товарищей на их членов кружка женой боевой, преуменьшил роль героя истории богов, легендами бирани.

рабоче-крестьянского государства.

Сидоров.

Связисты в гостях у „Коминтерна“.

Тихое утро. Морозит. Ветерок. Группами обшаривают иглы спортивного кружка №-го полка связи два ЗВСО около лыжной станции для экскурсов на спускную фабрику „Коминтерна“. Ровданы лыжи, позвана компания...

— Айда в путь!..

Что-то слышишь, мы уже около огромного фабричного корпуса?

Группами перестают прыгать из одного отделения в другое. Т. Н. Михалко, помдиректора фабрики, и несколько рабочих любезно объясняют весь сложный и разнотравный процесс производства свечей. Все горючие сырьевые чурочки, длинные ленты стружек из них, миллионы парочек их „соломоек“ и, наконец, вот она, готовая свеча, устремленная ввысь.

Слышится вопросы, как, да что, да в чем?

— Много ли свечек вырабатываете в сутки?

— Выше ли пожары?

На все дается подробное и сестрическое ответы. Ровданы и легкий обратный путь домой, и во всем городе.

— Ишь, какая маленькая штука, свечка, а работы то над ней сколько... тут столько...

Антерлаговский урок «Платон гав-та два-а», «Полит аме ц» — овданы колее тивом дной группы.

Но не суждено долее идти на ней группе; у нас отбавля-время лыж азиатий, испуска на другую цель.

Между тем, необходимо уснать, что красная амея смекет при кош-е подготовки выпустить кадр б-бобшиков, которые он обоблет деревню от поповской дробления.

Дайте время!

Галкин.

Радикальное средство.

6 часов. Подъем. Колокольчик в руках дежурного надрывается, а звонящий не перестает — наизылиный, чертенок. Заше велидась браня, будто в муравейнике — оземляются, кровати прибратают. Только на двух, кроватях что-то замескалились.

— Глухие там, что-ли? Или мертвые?

Пот не-то. Из под одеяла вполголоса разговаривают.

— Тюлен! вставать будем?

— Тшш, чорт! Кше услышат.

— Ни гляди, не услышат. Белье что ли будем?

— А какие сегодня уроки?

— Первый после строя — математика, второй — радиотелеграфия.

— Опять математика! Чорт! Не пойду — голова болит. В околотке задираюсь.

«Добро фабрике „Коммунар“,
аввако дело—завогская спичка!»
Лыжники.

**Красноармейское
спасибо.**

19 декабря военкоры томского
государства из десятилетия чигиря
флю гавты „Красное Знамя“.
Эта в сущности дала очень многое
для всех оров. Военкоры (аввако
милитс) сибирям и почта-внимам
гавты. К какому бы ставку, ма-
шинке не подошли, в-яке чувство

— Я тоже, у меня—живот.
Может, касторки дадут. Знамо,
что нибудь дадут. А пока не
вернуто по часам у можно.

— Ложись, лалай!

Тюленев и Инашка К. уку-
тавшись с голодой в одеяла,
подобрав их ногами под себя,
отвернулись друг от друга. Оба
невозмутимо—спокойные—ни-
уж не в первый раз „боить“.

Пока прием в окошке на-
чнется—выспаться на „дтс“
можно. И математика, и строе-
вые том временем проуйт...

— Товарищи, что в око-
док? — раздается голос дежурно
го. Сегодня по приказанию ко-
мандира прием в окошке бу-
дет до проверки. Кто опозда-
ет на проверку и окажется хро-
вым — два штрафа. Товарищ К.
вы, конечно, больны? Товарищ
Тюленев, вы тоже? Можно за-
писать?..

— Стой! Не пиши!..

— Погоди! может так прой-
дет..

— Встаем, сейчас..

Через полчаса дежурный по
роту ходячий начал потомать: «но

время моего дежурства произошли несчастия не случившиеся, на утренней поверке все люди оказались налицо. Больных нет».

— То то, брат. Ох одного раба поряжения выдохрели. Назли калыное средство комбат придумал!

Зав.—шп.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

П. О. КОГАН

А. Серафимович.

(К 85-летию литературной деятельности 1863—1923 г.)

Каждый юбилей — день дифирамбов. Об юбиларях можно молчать. Но если говорить, то только хвалебные речи. Это справедливо. Потому что юбилей — вовсе не подведение итогов жизни отдельного человека. Правда, мы устраиваем и акции, в последнее время даже слишком часто. Но это результат суетности. Юбилей, действительно имеющий общественное значение, — это демонстрация идеалов, сгруппированных вокруг определенного имени, оружье в борьбе за те или другие исторические цели, плакат, знамя с лозунгами, несомне перед тысячной толпой, смит сил, молчаливый, скрывающий единомыслия, знамение из далекой биографии того, что вошло в историю, как частица богатства, хранимых человечеством.

Только такие торжества имеют смысл. И только таким может быть юбилей Александра Серафимовича.

Когда задаться вопросом, что дала эта жизнь России, — мне вспоминается прежде всего фраза покойного проф. Кюхельбекера, обращенная к другому юбиларю: «Походка у тебя неудобная, сворачивать не умеешь в сторону, даже тогда, когда сворачивать нужно, слишком прямо идешь».

Среди разноречивости нашей, среди колебаний, интеллигентской мечтательности и беснующейся, он инстинктивно был перем, кто бесспорно пошел на революцию, но только уж денями, но и железной волею оказался ей сродным, — такой же непреложный, также прямо и, может быть, даже более прямо, чем сама она, идущий к цели. Идти скромно, незаметно, не оглядываясь, но зато как крепко и твердо! Кто из нас не воевал с ним по тому или другому поводу, кого не раздражала эта примитивность, мешавшая даже малейшим поворотам, необходимым и неизбежным успехам. Но когда отходили на мгновение в сторону и с некоторого исторического отдаления смотрел на эту долготу шествия, какой образ встает перед нами, колоритная фигура исторического значения!

Серафимович не приспособился ко времени. Время приспособилось к нему. Оно выносит его на вершины, когда оно само сурово и беспощадно, несет вперед неустранимым потоком и разбивает все на своем пути. Тогда Серафимович в своей стихии. Так было в первые годы революции, когда он остался почти одинокой силой, отвергнутой писателями, но подхваченный революционными вихрями. Ни хитрить, ни лукавить он не умеет, и когда время потребовало хитрости и лукавства, он несколько отошел в тень. Он — солдат революции, но дипломатический агент ее.

И до нее он шел к ней прямо, извлекая из опыта жизни выводы одного порядка, устремляясь к явлениям одного типа.

И.

Детство его на Дону, в казацкой семье. Впечатления детства, превратившиеся в память на всю жизнь: осенний гнет над казачками (порой розгами на плечах) и чудовищная нищета еврейской толпы в польских крестьян, — дети хныка, велемые. Первые уроки в таукой станице Усть-Медведицкой а двенадцать лет гимназия, учения грубые, беспощадные, бесконечная «арифметика». «Толк и сердца мальчишек. Непонимание в школьном строе. Много было учеников простых казаков, пришедших от плуга, и то снывалило с трудовой калячей массой».

Был истинно религиозен.

К третьему классу пошатнулся. Падая на колени, молил бога спасти от неверия. Не спас.

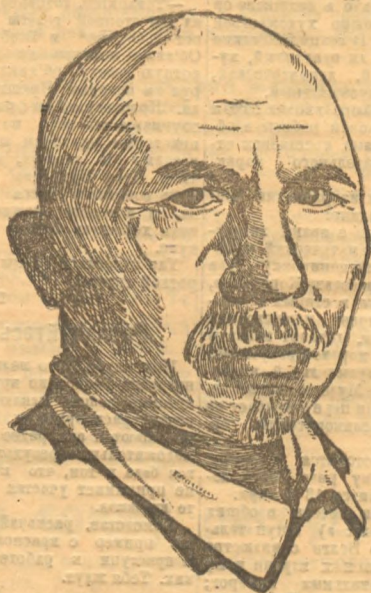
В 1883 году — петербургский университет, физико-математический факультет. В 1887 г., на IV курсе пишет воззвание в разяснение террористическо го акта покушения на Александра III. (за которое был казнен Александр Ульянов, брат Ленина). Два жандарма ответили в Мезени, Архангельской губернии. Суровая природа, сильная крупная оригинальная природа людей, напряженно опасный труд (среди льдов на море) толкнули на изображение. Первая вещь «На льдине» появилась в «Русских Ведомостях» в 1888 году. В Мезени познакомился с Петром Алксимовичем Моисеенко, ткачем из Орехово-Зуева. Беззаветный революционер, отец русской стачки (первая крупная организованная стачка в 1889 году на орехово-зуевской фабрике М. розова), Моисеенко привнес сильное впечатление на Серафимовича своими рассказами о захватывающей борьбе с правительством, с хозяевами фабрик-канцелярий. Писательский путь был определен: труд, его обстановка, горе, борьба, поражения, победы.

Любопытно следующее замечание в рукописной автобиографии Серафимовича: «Познали охотно, но с кислыми мордами — не было уточненно-сложных переживаний культурной среды. критика лицо-молчала, либо судила «тенденциозно».

Из ссылки вернулся на Дон «под надзор полиции», бедствие, давал уроки потихоньку от полиции. Словно в подполье росла и крепла большая сила против царя, богатей попов и дворян. Постигала же дружина и вилы хитро сплелной системы эксплуатации, чуяла, где друзья, где те слепы, которым предугадано и т. д. и т. д. Ссылка послужила бою за освобождение человечества. Изучил и математика, и физика, и в это мир отдала первая вдохновения. Здесь родились рассказы: «Под землей», «Маленький шахтер», «На заводе». Шли рилась глоба, рос гнев, трудно было жить, метался, как зверь в клетке, в этом душном мире, бросал литературу, поступал в канцелярию.

III.

С 1902 года — Москва. Писать газету «Курьер», где редактор и я, подвизуемся, заботу, но как-то сообразную у себе молодые силы марксистки (Фриче, Шулятиков) и беллетристики (начал здесь свою карьеру Я. Андреев, писали Лунина, Горький, ряд других). Помню, как появился в этой редакции Серафимович, урюмный, непреложный, словно всяду, куда приходил, не на смену, а с собой, слово не ждал очиняющей грозы, ко торая расоса, удушающую атмосферу. «Знание», принят дошными беллетристами, открыло ему путь. Стал известным. И даже сквозь желанные тиски цензуры слышался в его рассказах первые толсы революционной работы («Левина», «Торжества», «У обрыва», «Среди попов», «Она пришла», «Завоевал», «Похоронный марш», «На Пресне» и др.). Он плохо маршировал с «шпатель», тем, что называлось тогда читателем, с шпательными элементами интеллигенции, глашатаями чувств которой были Мережковский, Леонид Андреев, Бальмонт, Вруня и прочие певцы мистических устремлений, бессилья, отчаяния, бесплодных мечтаний и усадебных запустений. Как-то неохотно, с опаской, со страхом гоним этой грубой и страшной правдивой творческой силой, подходила к нему публика, дававшая тон литературе. За то «своего» почтяти в нем

А. С. Серафимович.

те, в ком клочкотала ненависть, кто в дыму и копоти заводов, среди грохота машин, готовился расправлять свои скрюченные члены и опрокинуть мир насилия. Крошечные рассказы Серафимовича копейными дисковыми (в изданиях «Донской Речи», весте, «Знания») расходились в десятках тысяч экземпляров, попадали в самую толпу трудового народа.

Революция. Историческая картина, эпизод, который никогда не затеряется в летописи революции. Столкновение интеллигентской литературы с писателем, который ждал больше, быть может, само то, что не сознавая, ждал грозы и места всем творческим инстинктам своим, всей суровой любовью к голодным и эксплуатируемым. Знаменательная сцена изгнания Серафимовича на литературно-художественного кружка, этого блестящего центра московской либеральной интеллигенции, из Общества писателей в Москве, где собраны были энтузиасты ума и таланта. А потом возмущение дискуссионно об «измене» Серафимовича традициям нашей литературы, приветствия рабочих кружков, заводов, революционных организаций писателей, имя которого сразу стало, взамен, вехой, обозначающей великий поворот в литературе. И теперь, когда среди молодой поросли, среди плеяды новых талантов уже не встретишь ни одного, кто не был бы обремененых революцией, не закалялся в ее славных боях, в ее лихорадочной работе, теперь только во всей яркости своей предостан нам богатейшая красота этого неподкупного человека, грубую встретившего первые бешенные удары оскорблений сил прошлого.

Его деятельность последних лет у всех на виду. В ней он обрел себя. Он чаще всего на одном из многоисленных «протонов», которые возникали повсюду на бесконечном пространстве, где миллионы рабочих и крестьян защищали завоеванную свободу против опешившихся мира царей, попов и банкиров. Уже начинающий стареть, писатель проявляет юниорскую неутомимость в своей борьбе с «дедом» революцией. Он — первый корреспондент нового типа, он — автор воззвания, лектор, исполнитель, революционных произведений. Есуду, где нужно художественное слово, выходящее огнем несправедливости и жаждой свободы, поспевает он, такой же урюмный, непреложный, дождавшийся, наконец, великих дней, о пришествии которых с ранних лет твердили ему окружающие взрослые дети, гордые труженики заводов, озверевшие, непонятные крестьяне, мир, где он обрел

своих друзей, куда он принес жесткую любовь. Юбилейный праздник застает его в цвете сил.

IV.

Не в короткой юбилейной статье оценить во всей полноте своеобразную красоту литературного наследия, собранного в его книгах. Это сделает не скоро, когда отбунтуют страсти, когда историки отведут каждой исторической личности ее место в великом движении наших дней. Но что бы не писали о нем впоследствии, все признают, что самое влекущее в его поэзии, как и в его жизни, это монументальность, суровость, звериная энергия, отсутствие сентиментальности и утомительной рефлексии. Есть что-то творчески сродное марксизму, этому учению, которое знает, что история наша, — это история борьбы, что великие мучки личности, бессмысленные индивидуальные страдания осмысливаются только познанием общественных сил, непреложно действующих и идущих к своим неизбежным историческим целям. Самое прекрасное в его поэзии — это аскетизм души, сосредоточенный на одном усилии, на одном стремлении, упрямая убежденность, взгляд, заставивший в созерцании цели.

Таким он был до революции. Таким он остался в первые годы борьбы, таков и теперь, когда наступила передышка. Кто не воспользовался этим отдыхом! Кому не захотелось после годов окопных лишений хоть на минуту окунуться в атмосферу старых испытанных мечтаний, радостей, хоть немного согреться на счет «звонков сладких молитв», отойти от «корости и битв», заглянуть в «вечные ценности». Но есть один писатель, который остался неподатливым и даже слегка не склонил свою непоколебимую фигуру. Он помнит, что враг еще силен, что недалеко до новых битв, и в его последних произведениях нет ликования победы, нет отдыха, все тот же зоркий казачий взгляд, выслеживающий прага, все та же рука, держащая наготове ружье.

С именем Серафимовича сочеталась навсегда идея фалатической силы, не только бесконечно ценной в дни, когда ставятся задачи, подобные со временным, но и прекрасной своей моральной красотой, идеей творческого гения, обретающего свою мощь в слиянии с союзными силами эпохи, монолитной души писателя, вышедшего недосыгаемым образом, воплощением всего лучшего, что было когда-либо сказано о литературе, идущей на служение народу.

Былое.

Станция замерла. Не слышно ни одного паровозного свистка, раздававшихся раньше почти непрерывно. Что-то необычайное чувствовалось в этом неожидаемом затишье. Ветра только тут шла жизнь, бежали и суетились какие-то люди в серых шапках с наметками на них погонами, стояли бровями и слышались странные слова команды, пересыпанные крепкой, крепкой грехотажной руганью.

Непрерывной лентой тянулись поезда с разным военным имуществом и сопровождали их его люди, в таких же серых шинелях с уставками, озлобленными лицами.

Ночь прошла и они. К утру остался один броневик, с ошарашенной сколой станцией.

Ветра вечером на него привели людей в затасканных рабочих блузах, с избитыми в синяки и кровоподтеки лицами.

Их было двое. Охотливого, лет 20, парня, вековавшего и странным взглядом оглядывавшего его людей, в глубине его глаз затаился ужас грустного. Другой, пожилой человек, без шапки с открытой головой, на которой ветер поднимал временами седые волосы, урюмный шаг, опустив взгляд в землю.

Они шли на допрос.

По временам кто-нибудь из конвоиров с сорванным из губам ругательством поднимал

приклад и опускал на спину одного из них, заставлял несчастных подвигаться все ближе и ближе к притановшему там за стальной стальному чудовищу.

Вот они дошли до него, и закрывавшая дверь открыла их перед собой.

Что происходило там, неизвестно. Лишь только времена мы доносили дакие нечеловеческие стоны взвизгивающие с крупной отборной руганью.

— А, большевистская сволочь! Мать вашу... не говорите... дак и тебя... заставлял дать ему еще двадцать пять...

И слышно было, как что-то со свистом разрезало воздух, раз, другой, а зат-и снова и снова повторялся этот звук.

Стоны неслись и замирали в вечернем воздухе.

Наконец, в-е смогло. Только где то недалеко от броневика прогрохотал залп.

Затем свисток, язык стали и железа, и он скрылся в темноте наступающей ночи.

На утро под откосом, за станцией, лежали два труп, два страшных окровавленных кусочка человеческого мяса. Это были несчастные жертвы, упавшие на восток броневое чудовище.

И среди тишины наступающего летнего утра не верилось, что вчера здесь были люди. Это не люди, это звери в образе людей. Да, это было так.

М. Б.

БОРЬБА В ТАЙГЕ.

Был летний июльский вечер. Солнце начинало садиться за сопку, видневшуюся с пригорка, на котором мы находились и выде- ляющую из общей массы елового леса какой-то гигантской шапкой.

Тайга постепенно начинала погружаться в крайний свой сон, но имеющая в глубине своих тайн много причудливых сочетаний красок и звуков разрабатывающихся трагедий животного царства в борьбе за существование. Над нами промелькала рано встретившаяся сова и скрылась в темноте глуши леса.

Хотелось проникнуть в эти тайны раздумывающей ветви тайги, которая легким шепотом своей колючей листвы наводит грусть, за которой тотчас родятся воспоминания тяжело — прошлой жизни. Мы стояли и любовались этой величественной красотой природы.

Последние лучи догорающего солнца скользили по вершинам елей и сосен и потонули в чаще. Глушина леса начинала чернеть, и жутко стиралось от этой чужды. Она пролилась далеко в душу, оставила после себя черное пятно воспоминаний пережитой борьбы с таежными бандитами.

Хрустнувшая сухая хворостина под ногами лошади разбудила нас от этих ошарашивших всех нас одним.

Мы вспомнили, что нам надо ехать в засаду на одну из вышек, расположенную в тайге, версты за три от тропинки, на которой мы стояли.

Тронулись. Лопади ступали по траве, как по бархату, что устранило шум нашего движения, хотя иногда хрустел под ногой сухая еловая ветвь, отчего вздрогнули истерзаннейшие, всем своим существом и опять тишина, так же ласкала перепрыгивая фырканье лошади, укушенной ошолом, которое в глуши тайги хлещало до тех пор, пока солнечные лучи совсем не потонули во мраке надвигающейся ночи.

Дорога нагибами летит ввысь по склонам гор и оврагов, то нечаянно, то поворачивая снова среди каменных гигантов — валунов, в тайгу, кедрача.

Пугливый взор тревожного человека находит массу форм причудливо образованных сочетанием кустов, деревьев и их тени и где по образу этого человека, разрываясь, заставляя его трево-

таться, как будто бы мести за то, что зачем он потревожил его вечное безмолвие и помешал ему жить своей думой, внося в него связь тревожного разгрома, который является совсем неслучайным, малым среди летнего шума глубины его жизни и думы.

Луна начала подниматься из лесом, освещая дремучую тайгу а долая тон лес еще темнее и раз- чте очертанье.

Рука невольно сжимает холодное дуло винтовки, лежащей на луке седла, предвещая скорое поимение места нашей засады.

Дорога начала спускаться круто вниз, где на склоне этой горы в десяти саженях от тропинки была расположена забулка пасеки и где мы должны были ожидать сообщников таежных хищников банд.

Тишина. Осторожно пробираемся к лугу, стоящей посредине прогалины и освещенной бледным светом луны.

Сердце усеилено бьетса.

Тайга глухо, неутомимо шумела, усиливая тревогу.

В избушке никого не оказалось, и при свете луны, вырывающейся из приоткрытой двери, можно было различить печку, выложенную из дикого камня, стол, скамейку и что-то вроде нар, так называемую та- жанку.

Было видно по окуркам, выложенным по полу и остаткам от еды, что здесь люди были дня два назад и по доставленному нам донесению сегодня должны были приготовить человека пять бандитов.

Мы вышли из избушки и распустились ждать на краю прогалины и леса. Опять тишина. Лес шумел, напевая грустные мысли, вспоминая прошлое и оставшаяся дома семья... Чу, слышен говор.

Зубы стиснуты, винтовка прижата к руке, лихорадочно работаю- мысля, бежит куда то.

Раздались залп. Струйки дыма и винтовок нежно не колышались поднимались кверху.

Глухо ахо прокатилось по тайге и плавно зашло вдали кедрач.

Два трупы остались на поляне. Обрешенные лица при свете луны казались тупыми, мрачными.

Эх! темнота глуши.

А лес все шумел, убавляя свою глухую черноту.

Г. С.

УГОЛОК РАБКОРА.

ность на фабрике ликвидиро-
вана. П. Ф.

Н. М.

Перед началом спектакля и во время антракта играет антрактовый — концертный струнный оркестр 20 чел. под рук. М. И. Малочет.

Начало спектак. ровно в 8¹/₂ ч. веч. (по кассе)

Вход в зрел. зал после 3-го звонка бесплатен.

Цены местам от 1750 руб. до 400 р.

Касса открыта с 11 до 2 и с 5 час. до окончания спектакля.

Кассирша Велозорова, Галина, администрат. театр Н. И. Мухоморова.

Директор М. М. Мухоморов.

В кино „ГЛОБУС“
картины иллюстрируются
КОНЦЕРТНЫМ ТРИО.
Начало в будни в 7 ч. в праздн. в 6 ч.
Земляков С. БИРЮКОВ.

1-23a